

ПОСТСОВЕТСКОЕ ОБЩЕСТВО, ЕГО ПРОБЛЕМЫ

Андрей РЯБОВ

Постсоветская общественная модель: характерные особенности и современное состояние

Минувший 2010 г. ознаменовался важными тенденциями и событиями на постсоветском пространстве. Стержнем происшедших изменений стало заметное укрепление влияния России в этом политико-географическом регионе мира, что нашло отражение в различных сферах международных отношений, во внешней и внутренней политике постсоветских государств. Были заметно улучшены отношения с Украиной, Москве удалось добиться от Киева продления на 25 лет срока аренды военно-морской базы в Севастополе. До 2044 г. было продлено присутствие российской военной базы в Армении. Произошло политико-юридическое оформление Таможенного союза с участием России, Казахстана и Белоруссии. Декабрьские президентские выборы в Белоруссии, завершившиеся жесткими репрессиями против оппозиции, привели к резкому ухудшению отношений официального Минска с Западом и объективно способствовали усилению российского влияния на белорусскую политику.

Укрепление позиций России на постсоветском пространстве не ограничивалось только международными отношениями в данном регионе мира. Обнаружился растущий интерес правящих элит разных стран к российской модели внутриполитического порядка, к использованию ее ключевых элементов в национальной политике. Наиболее наглядно это продемонстрировала Украина, где после прихода к власти президента Виктора Януковича усилились попытки исполнительной власти взять под контроль ведущие СМИ, свести к минимуму влияние оппозиции на процесс принятия решений, ограничить конкуренцию в различных сферах социальной и экономической жизни. Наблю-

датели даже заговорили о «россиизации» украинской политики. Таким образом, российское влияние получило еще одно – внутривнутриполитическое – измерение. Россия постепенно стала играть роль экспортера модели своей политической системы. Интерес к ней распространился даже за пределы постсоветского пространства. Явные элементы «заимствований» просматривались в политической жизни таких стран, как Македония и Венгрия. На постсоветском пространстве изменения иного характера проявились лишь в Молдове. После внеочередных парламентских выборов, состоявшихся в ноябре, Москве не удалось помешать формированию новой правящей коалиции, заявившей о стремлении начать демократические реформы, которые приблизили бы эту страну к стандартам Европейского союза. Впрочем, Молдова является слишком маленькой страной, чтобы влиять на направленность политических процессов на постсоветском пространстве.

Можно попытаться объяснить отмеченные изменения в категориях «отступления от реформ», «временных откатов». Но такой подход едва ли приблизит нас к пониманию происшедшего. Можно указать и на конкретные причины, объективно способствовавшие усилению российского влияния. В 2010 г. Европейский союз столкнулся с серьезным внутренним кризисом. Финансовые резервы объединенной Европы были брошены на спасение экономик Греции и Ирландии, оказавшихся перед угрозой дефолта. Возникли разговоры о том, что Евросоюз под воздействием внутренних разрывов между развитыми государствами Северной и Центральной Европы, с одной стороны, и Южной и Восточной, с другой, неизбежно будет

эволюционировать в структуру «матрешечного типа». В такой обстановке внутреннего кризиса и неопределенности дальнейшего развития стало очевидно, что процесс расширения ЕС на Восток замораживается как минимум на 10 лет. Для элит большинства постсоветских стран, расположенных в европейской части бывшего СССР, которые ранее провозгласили продвижение в Европу в качестве главной цели своей политики, эти события означали полную смену внешнеполитических координат. Будущее, отделенное от современных реалий 10 или более годами, явно находится за горизонтами стратегического планирования нынешних элит. Закрытие – пусть даже временное – перспектив интеграции в «Большую Европу», наряду с сокращением ресурсов, вызванным последствиями глобального финансово-экономического кризиса, заставило правящие верхи постсоветских стран искать поддержки у ближайшего «большого» соседа – России, с которой их объединяет не только общее прошлое, но и обусловленная им «классовая близость» элит, общая заинтересованность в сохранении нынешних социальных и политических порядков.

Таким образом, события и тенденции 2010 г. убедительно показали, что утверждения о распаде постсоветского пространства как целостного политико-географического региона мира не имеют под собой веских оснований. Напротив, наблюдалась определенная консолидация этого пространства, в значительной мере обусловленная укреплением позиций России. Но, пожалуй, самым главным аргументом, подтверждающим устойчивость этого региона как сообщества государств, стала нарастающая тенденция к типизации внутривнутриполитических процессов, развивающихся в направлении создания близких по содержанию и институциональному оформлению общественных систем. Это позволяет предположить, что состояние стран региона отнюдь не является переходным, временным, а скорее отражает утверждение, закрепление в них новой устойчивой общественной модели. Для ее характеристики можно в качестве рабочего предложить использование термина «постсоветский капитализм», отдавая себе отчет в его ограниченности и условности. Здесь важно отметить, что для понимания феномена постсоветского капитализма важны не столько формальные сходства между странами (на самом деле различия политических режимов, социально-экономических систем все еще выглядят очень значительными), сколько вектор происходящих изменений.

Понятие «постсоветский капитализм» имеет прежде всего политэкономическое содержание. Еще недавно изменения в странах, образовавшихся на территории бывшего СССР, можно было расценивать сквозь призму транзитологических теорий, ставящих во главу угла эволюцию политических институтов, и макроэкономических концепций, изучающих различные стороны складывания рыночных отношений и систем. Оценивая масштабы и глубину рыночных и демократических преобразований, исследователи без труда встраивали государства, возникшие на территории бывшего СССР, в уже имеющиеся типологические ряды стран с переходными экономиками и политическими системами. Так, анализируя итоги преобразований в посткоммунистической России, американские исследователи А. Шлейфер и Д. Трейсман пришли к выводу, что «за десятилетие Россия превратилась в типичную капиталистическую демократию со средним уровнем доходов населения»¹. Подобный подход, однако, не приблизил исследователей к пониманию феномена постсоветских государств. Его ограниченность стала очевидной позднее, когда демократические преобразования во многих постсоветских государствах стали свертываться и одновременно укрепились тенденции к усилению государственного контроля над экономикой.

Политэкономический подход к изучению постсоветских реалий, приобретший сторонников в последние годы, исходит из того, что первостепенное значение имеет анализ этих реалий сквозь призму отношений власти и собственности. Это позволяет выделить несколько системных признаков постсоветского капитализма как общественной модели. Ее политэкономической основой является слияние институтов власти и собственности в единый институт «власти-собственности»². Вопреки пророчествам Л. Троцкого, предсказывавшего, что при переходе от советского социализма к капитализму, правящая партийно-государственная номенклатура конвертирует свою власть в частную собственность³, возникли иные реалии. Постсоветская бюрократия, позаимствовав из прошлой эпохи такие фундаментальные принципы общественной организации, как жесткие социальные иерархии, монополизм, стрем-

¹ Шлейфер А., Трейсман Д. Обычная страна // Рабочие материалы Московского центра Карнеги. 2004. № 7. С. 19.

² См.: Пивоваров Ю. С. Полная гибель всерьез: Избранные работы. М.: РОССПЭН, 2004. С. 117–123.

³ Троцкий Л. Преданная революция: что такое СССР и куда он идет? Гл. 11. // <http://www.magister.msk.ru/library/trotsky/troti001.htm>

ление к ограничению конкуренции и расширению сферы правительственного контроля, сосредоточила в своих руках не только политическую власть, но и фактическое распоряжение собственностью. Это явление распространено как на уровне национальных экономик, так и отдельных регионов и более мелких административно-территориальных единиц. Формы распоряжения наиболее значимыми активами в странах постсоветского пространства могут различаться в зависимости от балансов сил внутри правящих элит, исторических и культурных традиций этих государств, особенностей и глубины процессов приватизации: от прямого участия бюрократии в деятельности государственных или смешанных компаний до жесткого контроля деятельности частных промышленно-финансовых групп и предприятий, которые фактически утрачивают самостоятельность в выборе и реализации своих бизнес-стратегий.

Важнейшим следствием такого сращивания для политики становится чрезмерная концентрация финансово-экономических, политических, административных, информационных и других ресурсов на одном полюсе политической жизни. Это препятствует реальной демократизации постсоветских обществ при формальном сохранении в большинстве из них института альтернативных выборов, которые в некоторых государствах (Украина, Молдова) имеют характер открытого соревновательного процесса с непредсказуемыми результатами. Дело в том, что чрезмерная концентрация ресурсов в руках правящей государственной бюрократии и зависимо от нее бизнеса сдерживает формирование одного из базовых условий демократии — независимых от государства социальных и политических акторов. Таким образом, доступ на политический рынок ограничивается очень высокими барьерами, даже если у потенциального актора имеется набор идей, которые могут быть востребованы обществом. Примером этого служат президентские выборы 2010 г. на Украине, где в реальном соревновании за пост главы государства участвовали политики из «старой колоды», уже изрядно успевшие надоесть избирателям. Однако именно они на момент голосования контролировали основные ресурсы в стране, не давая представителям более новой волны, с более свежими идеями, реально включиться в борьбу за президентское кресло, хотя формально в выборах приняло участие большое число кандидатов. В результате концентрация ресурсов в правительственных и околоправительственных структурах сдерживает возникно-

вание альтернативных политических проектов, по крайней мере через легальные процедуры. Политическая жизнь начинает стагнировать, а риски социальных взрывов — в случае нежелания властей реагировать на новые вызовы и требования со стороны массовых слоев населения — возрастают.

Бюрократическое господство над экономикой предопределяет характер и цели хозяйственной деятельности в постсоветских странах. Главная цель конкурирующих за власть элит (или групп элиты) — установление контроля над источниками ренты: административной, бюджетной, природной. В результате предпринимательская активность, по меткому определению украинского политолога В. Карасева, ориентируется не на производство добавленных, инновационных стоимостей, а на бесконечные переделы различных видов ренты¹. В разных странах, в зависимости от их социально-экономических и географических условий, значение этих видов ренты для осуществления политического доминирования может быть неодинаковым. В России, Казахстане и Азербайджане, например, ключевую роль играет контроль над природной рентой. Рентные отношения в экономике порождают цикличный, замкнутый характер внутривнутриполитического процесса в постсоветских государствах: сменяющие друг друга у власти элиты и контрэлиты не являются носителями новых стратегий развития своих стран, а объективно заинтересованы в сохранении существующих порядков, хотя и нередко используют различные идеологические доктрины.

Непрекращающаяся борьба за контроль над источниками ренты в значительной степени обуславливает такие особенности постсоветских стран, как слабость, частую изменчивость политических и социальных институтов. Главная причина в том, что сильные институты вместе с регулируемыми их деятельностью правовыми нормами являются серьезными препятствиями для осуществления быстрого захвата контроля над теми или иными активами. При таком положении институт собственности, гарант стабильности социального порядка в обществах с рыночной экономикой, во многом приобретает условный характер. Как при феодализме, им вознаграждают за особые услуги перед властной элитой². Политические институты часто

¹ <http://podrobnosti.ua/print/interview/2010/11/01/727750.html>

² Более подробно о возрождении элементов феодализма в нынешней России см.: Шляпентох В. Современная Россия как феодальное общество. Новый ракурс постсоветской эры. М.: Столица-Принт, 2008.

меняются в угоду интересам, иногда откровенно конъюнктурным, пришедших к власти групп. Так, за последние 20 лет Россия пережила две системы выборов нижней палаты парламента — Государственной Думы; три разных порядка формирования верхней палаты — Совета Федерации (на пороге — третья); главы субъектов федерации также избирались/назначались по трем различным схемам. До президентских выборов 2008 г. было широко распространено мнение, что в политической системе России все институты слабы и неустойчивы, за исключением института президента. Однако последующее развитие событий опровергло это мнение. Хотя в Конституцию РФ не было внесено никаких поправок, ограничивающих полномочия главы государства, фактическая власть перетекла в офис председателя правительства. Таким образом, личностное измерение власти оказалось сильнее институционального. На Украине после прихода к власти президента В. Януковича начался конституционный процесс восстановления президентской республики, хотя нынешняя смешанная президентски-парламентская система была создана всего лишь несколько лет назад. В Грузии в 2010 г. также была проведена конституционная реформа, ограничивающая власть президента и расширяющая права председателя правительства. Большинство наблюдателей убеждено в том, что это сделано в интересах нынешнего президента М. Саакашвили, полномочия которого истекают в 2013 г., но который тем не менее хотел бы сохранить в своих руках реальную власть. Слабые, изменчивые и зависимые от групповых интересов институты не позволяют реализовывать долгосрочные стратегии развития, что также усиливает стагнационный характер постсоветских обществ.

Система рентных отношений является питательной средой для коррупции, которая в постсоветских обществах приобретает системный характер, превращается в способ существования государства. В крайних проявлениях коррупция такого рода становится вызовом общественной стабильности, ибо в состоянии парализовать работу госаппарата, если правительственные решения не совпадают с долгосрочными или ситуационными интересами отдельных слоев и звеньев бюрократии. Так, летом 2010 г. чиновники областных администраций и различных министерств не отменяли свои отпуска, хотя пожары и резкое ухудшение экологической обстановки в европейской части России требовали принятия экстренных мер со стороны государства по защите объектов народ-

ного хозяйства, граждан и их здоровья. Ограниченность источников ренты, их незначительная обеспеченность ресурсами в отдельных случаях является одной из причин, почему в экономически бедных республиках уровень коррупции может быть ниже, чем в более богатых странах. Так, в Молдове коррупции в целом меньше, чем в России, на Украине или в Казахстане. Широко распространенное утверждение о том, что коррупция ниже в государствах, добившихся больших результатов на пути демократизации, на постсоветском пространстве не подтверждается практикой. Несмотря на успехи, достигнутые Украиной в создании инфраструктуры демократии — выборов с заранее неизвестными результатами, относительно устойчивых политических партий, не являющихся клиентами отдельных чиновников и бизнесменов, независимых от государства СМИ, — уровень коррупции в этой стране ничуть не ниже, чем в соседней России с ее авторитарно-бюрократическим режимом.

Рентный характер экономики, неустойчивые институты создают среду, в которой властные отношения становятся клиентелистскими. Вертикальные взаимодействия во власти регулируются не столько законами и правовыми нормами, а личной зависимостью подчиненных от вышестоящего начальства. При этом сама властная иерархия все более начинает напоминать «феодальную лестницу», действующую по принципу «вассал моего вассала — не мой вассал». В результате различные звенья государственной управленческой системы зачастую действуют весьма автономно. Эффективность же всей вертикали власти от этого снижается. Управленческие команды, порой даже исходящие с самого верха, «гасятся» и не выполняются, если они противоречат интересам тех или иных бюрократических клиентов. Существенной особенностью такого характера властных отношений является неустойчивость групп интересов, поскольку главным объединяющим началом для них является доступ к важному бюрократическому ресурсу. Как только его обладатель утрачивает бюрократический ресурс, группа интересов быстро распадается¹. В такой среде затруднено формирование устойчивых социальных и политических акторов, которые, обладая долгосрочными групповыми интересами, могли бы играть важную роль и в определении общенациональных стратегий развития.

¹ Нисневич Ю. Политика открытыми глазами // Россия — это мы: Взгляд на перспективы социально-экономического и политического развития страны в XXI в. М.: ОК и ПР, 2005. С. 26.

Ситуация в странах Средней Азии и Азербайджане отличается от ситуации в государствах, расположенных в европейской части бывшего СССР, в Грузии и, в меньшей степени, в Армении. В Средней Азии земляческие и родственные отношения несомненно играют большую роль в формировании групп интересов, придавая им существенную устойчивость. Однако это не приводит к возникновению современных акторов, нацеленных на решение задач развития. Система рентного капитализма оставляет их в рамках традиционной логики поведения, нацеленной на удержание власти и групповое обогащение.

Почти во всех постсоветских странах не удалось создать устойчивую систему передачи власти, за исключением, пожалуй, Молдовы. На пространстве бывшего СССР¹ эта система отличается от других групп государств, переживающих стадию посткоммунистической трансформации. Так, в странах Центральной и Восточной Европы утвердилась демократическая модель передачи власти, основанная на альтернативных выборах с непредсказуемым результатом. В Китае и Вьетнаме смена власти происходит в рамках правящих коммунистических партий, но на основе твердых внутрипартийных правил и процедур, ограничивающих пребывание тех или иных политиков на высших государственных постах временными и возрастными рамками. Внешне на постсоветском пространстве существует многообразие форм передачи власти. В России и Азербайджане возник квазиинститут преемника, когда уходящий глава государства фактически назначает своего «сменщика». В этих условиях процедура выборов лишь формально легализует уже принятое политическими верхами решение. После демократических выборов 1990-х гг. в направлении «преемничества» эволюционирует система передачи власти в Армении. Та же тенденция в настоящее время наметилась и в Грузии, хотя в 1992-м и 2003 г. власть в этой стране дважды менялась в результате революционных событий. В Белоруссии после первых демократических выборов президента в 1994 г. у власти бессменно находится А. Лукашенко, поэтому опыта смены власти практически нет. Вообще отсутствует опыт смены власти в Казахстане и Узбекистане. В Таджикистане она поменялась один раз, да и то в результате гражданской войны. Такой же единичный пример смены власти был и в Туркмении, правда, в результате дворцово-

го переворота. В 2000-е гг. дважды в результате революционных событий – 2005-го и 2010 г. – менялась власть в Киргизии. Лишь две страны постсоветского пространства – Молдова и Украина – усвоили иной, демократический опыт передачи власти через альтернативные выборы с заранее неясным результатом. В Молдове таким образом власть обновляется регулярно. До последнего времени аналогичная тенденция была характерна и для Украины. Однако после прихода на президентский пост В. Януковича и возглавляемой им Партии регионов в стране стала ограничиваться политическая конкуренция, усилился прессинг на оппозицию и СМИ, критикующие президента и его партию; исполнительная власть явно нацелилась на то, чтобы взять под контроль избирательный процесс для получения нужного ей результата. Украинская политическая система начала эволюционировать в сторону авторитаризма. Если это движение продолжится, то и система передачи власти в этой стране, скорее всего, изменится по российскому образцу. Таким образом, несмотря на внешнее разнообразие, все же можно констатировать некие общие черты, характерные для системы передачи власти в постсоветских странах. Нигде, кроме Молдовы, не сложились твердые правила, регламентирующие эту процедуру (ни по центрально-европейскому, демократическому, ни по китайско-вьетнамскому, «компартийному», сценарию). На фоне все еще часто встречающихся случаев передачи власти в результате революционных событий (Грузия, Киргизия) набирает силу тенденция смены власти через квазиинститут преемника. В этом направлении эволюционируют политические режимы в Армении и Грузии. Есть основания предполагать, что попытки установить подобные системы передачи будут предприняты во всех странах Средней Азии (за исключением Киргизии), а также в Казахстане и Белоруссии. Назначение и формальное утверждение преемника у власти через процедуру всенародных выборов плохо поддается институционализации, каждый раз являясь результатом верхушечного сговора в верхах, зависящего от массы обстоятельств, которые трудно регламентировать в рамках тех или иных норм. Все это создает своеобразную атмосферу в политической жизни постсоветских государств. Когда имя преемника неясно, она отличается крайней неопределенностью, поскольку с началом нового политического цикла нередко связываются опасения/надежды на резкие повороты в политике страны. Когда же преемник становится главой государства, производит соответствующие кадровые назна-

¹ Государства Балтии не входят в эту группу, поскольку политически, экономически и институционально принадлежат к другому политико-географическому региону мира – «Большой Европе».

чения в высших эшелонах власти, внутривластный процесс вновь начинает стагнировать. «Окно» же для подлинных политических и социально-экономических изменений, как правило, остается закрытым.

Между тем в рамках транзитологических теорий установление новых, демократических механизмов передачи власти является одним из важнейших характеристик успешности перехода. Исходя из этого критерия, можно предположить, что постсоветские государства едва ли можно отнести к странам в состоянии демократического транзита (опять же за исключением Молдовы). Нормативно-правовая неопределенность системы передачи власти в этих странах, скорее, отражает устойчивость сформировавшегося в них политического порядка.

Разумеется, выше были описаны далеко не все характерные черты постсоветской общественной модели. Но именно те черты, которые проанализированы выше, представляются существенными, системными. Описание модели не дает еще достаточных оснований для трактовки ее природы. Безусловно, это должно стать предметом отдельных, самостоятельных исследований. Учитывая нынешний уровень знаний о постсоветских обществах и государствах, можно предположить, что наиболее перспективным направлением является их анализ сквозь призму эволюции и последующей адаптации к новым реалиям позднеимперских социумов и структур. Такой подход, хотя и основан на некоей законченной концепции, позволяет рассмотреть истоки нынешних структур и отношений, понять их мутации и особенности выживания в современную эпоху. Как справедливо отметили Л. Гудков и Б. Дубин, «в отличие от транзитологии такой подход не предполагает заданности направления изменений и, следовательно, не содержит нормативных или рецептурных элементов в описании реальности, освобождая тем самым исследователей от необходимости отыскивать “ростки демократии”, прототипы “среднего класса”, следы “гражданского общества” и т.п. Напротив, акцентируя особенности институциональных структур данного типа, этот подход направляет усилия аналитиков на описание степени их устойчивости или изменения, специфику интересов или идей тех групп, с которыми связаны потенциал и возможности перемен. Тем самым картина жизнедеятельности этих обществ приобретает более вероятностный и открытый характер»¹.

¹ Гудков Л., Дубин Б. Постимперский синдром: «управляемая демократия» и апатия масс // Пути российского посткоммунизма: Очерки. М., Изд-во Р. Элинина, 2007. С. 14.

Вот почему важной проблемой является понимание возможных путей выхода из постсоветского капитализма. По прошествии 20 лет с большой долей уверенности можно сказать, что утверждение института альтернативных выборов с неясным результатом, СМИ, независимых от государства, закрепление принципов идеологического плюрализма сами по себе не дают гарантий успешного перехода к иной модели развития. По-видимому, наиболее перспективный сценарий выхода лежит через радикальную реконструкцию государства с присутствием ему типом бюрократического аппарата, превращения его из организации, по своему происхождению стремящейся к монополизму и тотальному контролю общественной жизни, в сервисный центр, работающий для оказания услуг гражданам. Именно демонтаж этого государства, являющегося стержнем постсоветской модели, – судя по всему, необходимое условие выхода из постсоветской модели. Пока на пространстве есть только одна попытка реализации подобного сценария. Она осуществляется в Грузии, где администрация и правительство президента М. Саакашвили начали реформы с десовиетизации государства, с замены постсоветской бюрократии на новую, отвечающую запросам современного общества. Однако говорить об успехе этого опыта пока преждевременно. В Грузии по-прежнему существуют проблемы со становлением демократических институтов, в том числе демократической сменяемости власти. Социально-экономические реформы еще не привели к запуску устойчивых механизмов роста и развития, повышению уровня и качества жизни большинства населения.

В этом контексте уместным представляется еще один важный вопрос, который на сегодняшний день является открытым для социальных наук: способны ли постсоветские общества самостоятельно, опираясь лишь на внутренние ресурсы и источники, осуществить переход к иной модели развития? Или для этого потребуются те или формы внешнего участия наподобие интеграции в сообщества более развитых стран (например, в Европейский союз) или разработки специальных планов реформ, осуществляемых на международные деньги (по аналогии с «планом Маршалла»)? Всесторонний анализ имеющихся возможностей и альтернатив, по-видимому, и станет главным направлением исследований постсоветской модели в ближайшие годы.